

Сев. культура. - 1989, - 28 марта, - с. 6

ЧЕРЕЗ ЗЕЛЕНОЕ СУЖИЕ

БЕЗ какого бы то ни было преувеличения Сергей Герасимов — мой Учитель. И с большим преувеличением — мой ученик. Игре на бильярде. Честно говоря, учился он у многих. У всех, с кем играл.

Редко, вырвав полчаса из вечера, до предела загруженного делами, он стремительно входил в бильярдную Дома кино со словами: «Ну, боги шаровые, поучите страждущего!». Подтянутый, свежесбрившийся, в ладно пригнанном сером твидовом пиджаке, он чем-то напоминал шаровую молнию, невзначай влетевшую в помещение и так же невзначай исчезающую, никого не обидев, а лишь озарив своим светом. Исчезал, как правило, надолго.

Один раз он появился в бильярдной без привычного обращения к «шаровым богам», но с просьбой к маркеру:

— Нужен бильярдный стол. Должен стоять в павильоне не позднее вторника.

Маркер, изрядно поднатворивший на таких делах, ответил:

— Будет, Сергей Аполлинариевич. Как не быть. Для вас даже заранее будет — субботы-воскресенья не пожалею — сделаю.

Причина такого маркерского отношения к Герасимову крылась в следующем. В бильярдной иной раз отношения между партнерами выяснялись на повышенных тонах, сюда проникали посторонние люди, а отсюда — и в просмотровые залы. Некоторые администраторы предлагали бильярдную попросту закрыть. И руководство союза несколько раз готово было принести бильярдную в жертву собственному спокойствию. Но тут вступался вовремя призванный Сергей Аполлинариевич. Доводов ему было не занимать — бильярдная жила дальше. И жизнь ее даже изменялась в лучшую сторону: начинался клубный турнир, затем команда Дома кино принимала участие в турнирах межклубных. Так как же было маркеру не уважить просьбу Герасимова?

— Сделаем. Все отменно будет. Стол соберем наклонный: шары будут закатываться, куда вам надо, — обещал маркер.

— Никаких наклонов. Никаких луз, — отрезал вдруг Герасимов. — Стол должен быть настоящий. Для игры в карамболь. Настоящей игры.

— Так бы и сказали, Сергей Аполлинариевич. Будто мы не знаем французскую игру карамболь. Сделаем.

И стол был сделан и поставлен в нужное место в павильоне Киностудии имени Горького — в декорации под названием «Кафе» для снимавшегося по роману Стендала фильма «Красное и черное».

Тогда же в бильярдной Герасимов подошел ко мне, игравшему партию, и попросил:

— А ну-ка, старик, сними очки.

Я снял.

— Приходи в павильон — будешь сниматься, из тебя недурной безансонец получится.

Я пришел и снимался. Вы видите нас на фотографии вместе с Сергеем Аполлинариевичем. К моменту съемки сцены в кафе он уже не только в точности знал, что за игра такая карамболь (столкнуться — в переводе с французского), но до тонкостей постиг ее правила. И момент, запечатленный на фото, это не позирование для фотографа съемочной группы, а репетиция. Герасимов очень хотел, чтобы актер, играющий маленькую роль любовника буфетчицы Аманды Бине, приревновавшего ее к юному провинциалу Жильену Сорелю, непременно по правилам держал в руках кий и играл в карамболь, а не делал вид, что играет. Вот и показывал, как это делать, показывал так убедительно, так вдохновенно, что мы с маркером переглянулись, подумав, видимо, об одном и том же: не может быть, чтобы Герасимов лишь неделю назад узнал о существовании игры карамболь; может, он прежде играл в нее и не один год?

Потом была съемка. Оператор запечатлел буквально один-

два удара по красному битку, и актер уже отходил от бильярда к стойке, за которой стояла молодая пышногрудая Аманда Бине. Но битых два часа репетировал Сергей Аполлинариевич этот кусок. Наконец сняли. А потом... При монтаже он этот и без того крохотный эпизодик сделал еще короче. А в киноверсии (поначалу снимался телевизионный сериал) этого эпизода нет и вовсе.

Но как после съемки благодарил он нас с маркером за точное исполнение задачи! В кадре ни в коем случае не должно быть ничего приблизительного. Любое дело должно делаться с полнейшим ощущением, что это твое дело, только твое.

...А играл на бильярде Сергей Аполлинариевич очень серьезно. Играл на выигрыш. В игре участвовал весь. После неудачных ударов ходили по отбивающим глянец скулам желваки. Левый глаз чуть прищурен, а правый — острый, недобрый. После же партии, независимо от ее исхода, все это мгновенно куда-то отлетало, глаза добрели, улыбались. Вытирая платком вспотевшую лысую голову, приговаривал:

— Ну, спасибо, старик, ну, спасибо, уважил...

ДАВНЫМ-ДАВНО в одесском кафе я слышал разговор двух матросов.

— Слышишь, это наш Аркадий поет...

— Райкин?

— Темнота, Аркадий Дзюбин — Марк Бернес!

— Одессит?

— А кто ж еще.

Марк Бернес никогда не был одесситом. Он стал им благодаря своему Аркадию Дзюбину из фильма Леонида Лукова «Два бойца».

Харьковский парень, он стал народным артистом. Стал прославленным эстрадным певцом. Не стал только завядлым бильярдистом. Как объяснил сам, «исключительно из-за недостатка времени, а то бы я вас тут всех обштопал».

Хотя и изредка, но в бильярдную забегал. Как-то стали мы с ним играть.

— Только учти, — говорит, — я на деньги не играю — у меня зарплата маленькая.

И смеется:

— Сыграем на время.

Это значит — за бильярдный стол платит проигравший. Честно говоря, мне такой вариант был не очень по душе, и я предложил иной:

— Проиграешь, Марк, споешь «Журавлей», — тут я вставляю его же словечко, — исключительно для меня.

— Ну, знаешь, — деланно заводится Марк Наумович, — тогда с тебя три шара форы.

Соглашаюсь. Но Марк не унимается:

— А если я выиграю, что получу с тебя?

— А что ты хочешь?

Он долго смотрит на меня, явно желая придумать что-нибудь этакое, что-нибудь из ряда вон выходящее... Не придумывается, и он предлагает стандартное:

— Под стол полезешь и будешь кукарекать пять минут.

Но Марк проигрывает первую партию, проигрывает и вторую. Хватает с кресла кожаный пиджак, на ходу его надевает и со словами «Мама родная — у меня же концерт» намеревается исчезнуть.

Но я все же успеваю спросить:

— Когда прикажете получить должок?

Марк в ответ:

— А хоть сейчас. Поехали.

Мчимся на бернесовской «Болге». Припарковываемся возле огромного Дворца культуры на окраине Москвы, которая теперь уже совсем не окраина. Нас встречают. Меня проводят в зал, Бернеса, естественно, за кулисы. Концерт идет к концу — Марк должен петь, как говорится, под занавес. Вот выходит. Улыбается. Шквал аплодисментов. Жестами пробует успокоить публику, а обаятельнейшей своей улыбкой, наоборот, только распаляет ее. Но вот, наконец, Бернес поет. Поет и «Темную ночь», «Шаланды полные кефали». Другие песни. Зал требует «Журавлей». Бернес смеется. Мне кажется, что он смотрит на меня, мне улыбается. От этого его обращения непосредственно ко мне меня начинает распирать гордость: кричите, а петь-то он сейчас будет для меня.

И вот зал затихает... Звучит мощное начало песни, но совсем не про гамзатовских журавлей.

Устроители провожают нас к машине. Бернес сует мне в руки преподнесенный ему букет цветов. Сажу рядом с ним с красными гвоздиками вместо белых журавлей, молчу.

Бернес тоже молча ведет машину. Наконец говорит:

— Не обижайся, старик. Эту песню нельзя проигрывать. Сдуру согласился, потом дошло. Уже на сцене. Я тебе лучше подарю самую лучшую запись «Журавлей».

Не подарил. Ушел. Как-то очень быстро ушел.